

Возвращая запрещенные имена...

К 100-летию Ильи Зильберштейна

Россия-2005. — 4 мая. — с. 18

Виктор Леонидов

Как ни странно, сегодня о нем многие ничего не знают. Имя Ильи Самойловича Зильберштейна говорит о себе разве что искусствоведам и историкам литературы. Можно сетовать на несправедливость памяти современных и потомков. Тысячи людей, посещающих Музей личных коллекций на Волхонке и любующиеся шедеврами русской и западноевропейской живописи в этом уже ставшем привычным здании, и знать не знают, что если бы не Зильберштейн, не было бы ни этого музея, ни сотен картин, находящихся в нем.

Почти в любом издании, посвященном истории литературы и общественной мысли России, есть ссылки на тот или иной том «Литературного наследства» — великой фундаментальной академической серии XX века, во главе которой стоял Илья Самойлович. Всего при жизни Зильберштейна было издано 95 томов с публикациями тысяч документов, связанных с именами Пушкина, Лермонтова, Репина, Добролюбова, Тургенева и многих, многих других.

А еще Илья Самойлович, которого иногда в шестидесятые и семидесятые годы выпускали в Париж, после встреч с недоверчивыми русскими эмигрантами первой волны привозил чехмоданы с бесценными архивными документами. Письмами и рукописями Пушкина, Гоголя, Аверченко, Бунина, Тэффи, а также картинами и акварелями русских художников XVIII и XIX веков, по разным причинам оказавшимися за пределами России. Все это, естественно, строго передавалось на государственное хранение, в основном в Архив литературы и искусства. Очерками Зильберштейна «Парижские находки», публиковавшимися в «Огоньке», зачитывался весь Советский Союз.

Илья Зильберштейн — романтик архивных открытий

Капля за каплей возвращал Зильберштейн в нашу культуру ранее запрещенные имена. Так появлялись на свет сборники статей и писем «Александр Бенуа размышляет...», «Константин Коровин вспоминает», ставшие подлинным прорывом в деле возвращения наследия русской эмиграции.

Сам он любил вспоминать два события, определившие его дорогу жизни. Первое — когда в родной Одессе в 1921 году он купил в антикварном магазине на Дерибасовской два рисунка Бориса Григорьева, ныне безоговорочно признанного одним из лучших художников только что ушедшего столетия. Это положило начало неистовой собирательской деятельности, завершившейся передачей в дар Музею личных коллекций двух с половиной тысяч

картин, рисунков и акварелей. От созвездия имен мастеров, чьи работы находились в этом собрании, просто кругом идет голова. Левитан, Репин, Бенуа, Рембрандт... И все он подарил музею, создать который, к слову, было более чем непросто. К коллекционерам за долгие годы советской власти отношение было не самое теплое. В чем только не обвиняли «частнобственнических» собирателей. Но Зильберштейн сумел не только создать такую уникальную коллекцию, но и подарить ее своей стране.

И другой случай, также во многом определивший судьбу. В 1931-м Михаил Кольцов назначил Илью Самойловича представителем «Огонька» в Ленинграде. Но тот предложил тогда гремевшему на весь Союз журналисту и

издателю приступить к подготовке публикации документов по истории культуры и литературы. И, получив согласие, начал, имея в своем распоряжении одну машинистку. А в конце жизни взял в руки девяносто пятый том «Литературного наследства», посвященный Блоку.

«Начиная с молодых лет, я занимаюсь поисками изданных рукописей выдающихся русских писателей и неизвестных искусствоведам творений наших замечательных художников», — писал Зильберштейн в своей статье «Поэзия поиска». Он действительно был романтиком архивных открытий и искусствоведческих находок.

Перечислять, сколько всего СССР и Россия обрели благодаря этому неугомонному фанатику культуры, жившему, к слову сказать, в не самые лучшие для подобной деятельности времена, надо, наверное, несколько суток. Так, только в первый визит за границу он уговорил владельцев подарить дневник Аннет Олениной, где имелись записи о встречах с Пушкиным и сибирский альбом декабристки Давыдовой, в который вошли акварели, выполненные в Читинском и Петровском острогах Николаем Бестужевым и Александром Поджио. Да еще привез автографы Толстого и бесценный огромный архив Аркадия Аверченко.

А сколько принесло нам сотрудничество Ильи Самойловича с великим танцовщиком, коллекционером и наследником Дягилева Сергеем Михайловичем Лифарем! Яростный, обидчивый, не встречавший понимания у советских чиновников, Лифарь после встречи с Зильберштейном подарил СССР картину Лермонтова и дорожную Пушкина.

В эти дни Илье Зильберштейну исполнилось бы 100 лет...